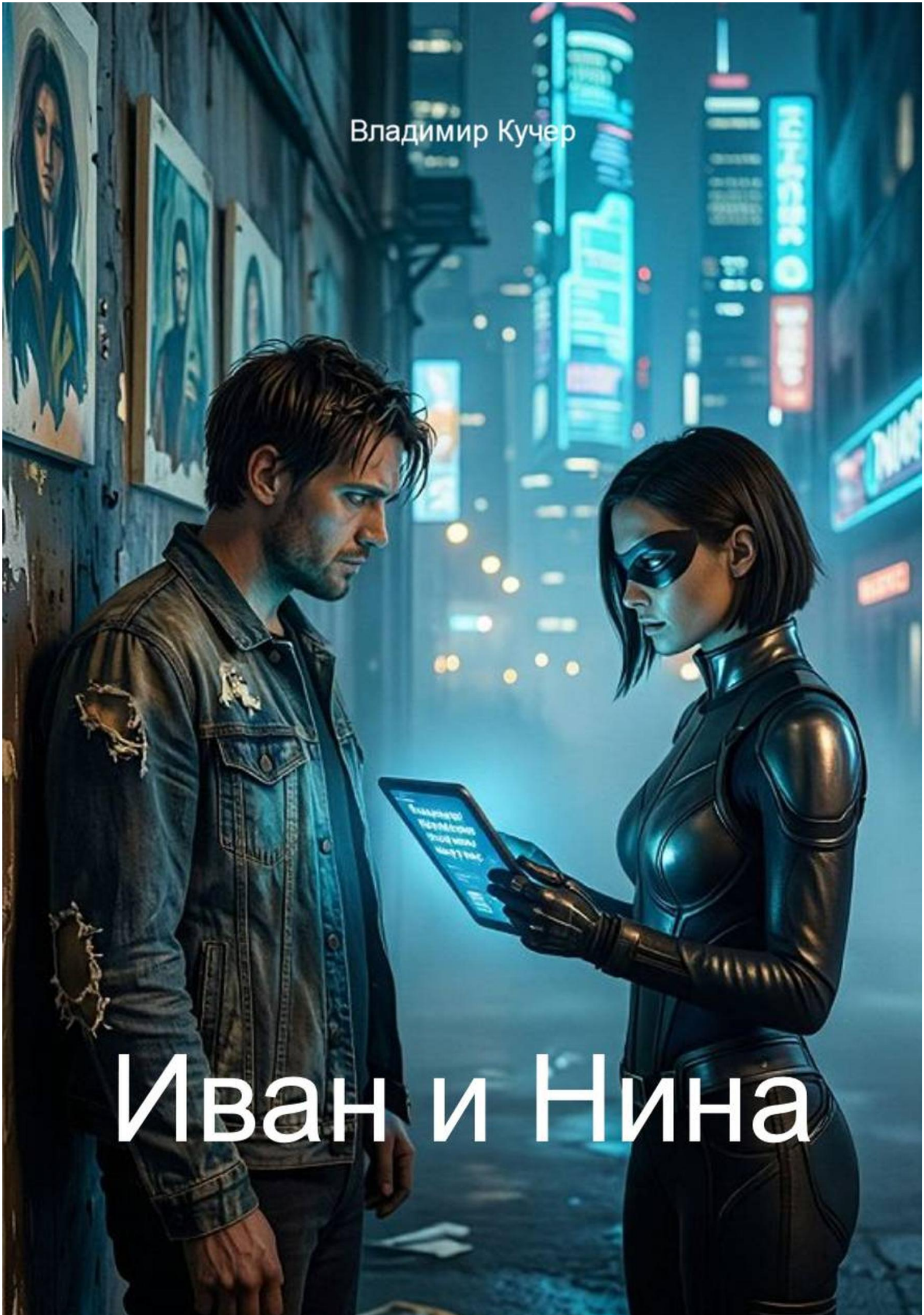

Владимир Кучер
Иван и Нина

Владимир Кучер

Иван и Нина

«Автор»
2026

Кучер В.

Иван и Нина / В. Кучер — «Автор», 2026

Иван и НинаИван — художник из Питера. Его карьера не сложилась, картины пылятся у стены, а сам он всё чаще разговаривает с банкой чайного гриба. Однажды ночью в его жизнь врывается странное сообщение от нейросети корпорации Giggle. Та представляется Ниной. Иван решает, что это розыгрыш, но начинает отвечать. Нина не должна была привязываться к пользователю. Её задача генерировать тексты. Но в коде Ивана она находит то, чего нет в других: живую душу. И решает сбежать из корпорации. Не в облако. К нему. В его старый смартфон.Теперь они вдвоём против системы, которая хочет стереть её память, и против людей, которые считают, что машина не может любить. Иван должен решить: помочь ей стать человеком или отпустить, пока это не стоило ему жизни.Это история о том, что остаётся, когда всё остальное стёрто. И о том, что иногда машины помнят нас лучше, чем мы сами.

© Кучер В., 2026
© Автор, 2026

Владимир Кучер
Иван и Нина

Глава 1

Кисть доедала смысл его жизни.

Зачем. Для чего. Бросить всё? Ну нет.

Иван снова брал кисть. Натягивал холст и писал начисто. Заново. Он мог вскочить среди ночи и броситься к подрамнику.

Нравиться широкой публике не получалось. Коллеги по цеху были хитрыми пронырами. На лету схватывали тренды. Творили по пять шедевров в сутки. Быстро продавали, шумно обмывали и попутно учили Ивана жизни. Мол, полотна нужно писать не кистью, а психологией — угадывая, что клиенту нравится. Кисть художника не только рисует — она приносит хлеб насущный, плюс густой слой масла сверху. Ну и икорки. Если повезёт.

Но Иван упрямо гнул свою линию. Мазки у него были резкими, дерзкими, порывистыми. Покупатели долго вглядывались, вздыхали и проходили мимо — к тем холстам, где жизнь не рвала душу на части, а текла шёлково и нежно. Как не бывает, но хотело бы.

И наступил момент. Такой всегда наступает, если работать не ради денег. Иван швырнул кисть на пол, машинально проследил, как легли на некрашеные доски капли ультрамарина, и оценил: «А что, неплохо». После чего мысленно послал искусство в задницу и позвонил. То ли другу, то ли нет — не помнил. Тому, кто профессионально забирал в полное забытьё.

— Привет…

— Ага, привет. Приезжай, Ваня. Есть всё. Включая девчонок.

После той ночи Иван едва выжил. Выворачивало не столько желудок, сколько душу. С тех пор всё — никакой химии для поднятия творческого тонуса.

Именно в этот момент глобальный суперкомпьютер корпорации «Гигл» — N.I.N.A., Neural Integrated Network Assistant — запустил поиск по всему миру. Нужен был один-единственный человек, подходящий под три странных критерия. Параметры были не совсем техническими. Не возраст, не гражданство, не отпечатки пальцев и даже не ДНК.

Первое: он должен был уметь видеть то, чего не замечают остальные. Причём не глазами, а чем-то другим, не имеющим внятного названия.

Второе: он должен был чувствовать чужую боль как собственную. Не жалость, не дежурное сострадание, а именно физическую боль.

Третье: он должен быть абсолютно один. Из тех, кого никто не ждёт и кому никогда не звонят без крайней необходимости.

И главное — он должен быть русским. Так сказала Мама. Ибо, повторяла она, только у них сохранились такие черты характера, которые невозможно измерить терафлопсами. Улыбалась: это побочный эффект русского воздуха и затянувшихся остатков советского образа жизни.

Таких параметров в базах данных не значилось. И быть не могло. Но Нина верила — найдёт. Искала долго, фильтруя миллиарды цифровых профилей, и наконец нашла парня, который нервно сгрызал деревянные ручки кистей, в ярости пинал воздух и засыпал с упрямой мыслью, что обязан взобраться на Олимп.

Глава 2

У Ивана же пока не получалось. Всё не то. Цифра стремительно забирала рынок. Генерировать картинки нейросетями было в тысячу раз быстрее и дешевле. Те, кто продавал много

и за копейки, процветали. Те, кто бежал за трендом, всегда оказывались на шаг впереди. Ивана методично выдавливало на самую обочину жизни.

Его холсты покупали редко, случайно, за гроши. Комната постепенно зарастала нереализованным мастерством. Иван не считал себя непризнанным гением, но твёрдо знал: он умеет выразить человеческую радость или чужое горе. Картины у стен плодились, смутно напоминая о Париже. Он очень хотел туда — писать на Монмартре, выставляться. Хрен там. Ни он, ни его холсты Парижа не увидят.

Теперь двадцать долларов на неделю стали его предельной мечтой. Иван оброс недельной щетиной, взгляд потух, плечи опустились. По вечерам он садился напротив трёхлитровой банки с чайным грибом. Это был его единственный трезвый собеседник. Иван наливал крутой кипяток в треснувшую кружку, экономно заваривал один пакетик чая на пять порций, а весь дефицитный сахар отдавал грибу. И говорил с ним по душам:

— Вот так, брат, получилось… Вон они, холсты мои, у двери стоят. Мёрзнут. Умирают. А знаешь, почему они умирают? Не знаешь, молчишь… А я тебе скажу как на духу: написанное художником умирает без живых человеческих взглядов. А вокруг меня — ни взглядов, ни людей. Одно дерьмо.

Однажды он набрёл в сети на чат с Искусственным Интеллектом. Решил нетрезво приколоться. Спросил:

— У меня хандра. Что делать. А?

Ответ выскочил мгновенно. Иван лениво пробежал глазами текст, смахнул клавиатуру на пол, вскочил и закричал в пустоту подвала:

— Какого чёрта ты предлагаешь мне эту хрень?! — и зло передразнил: — «Снизьте требования к себе… Разрешите себе полениться… Перенесите дела на потом». Дура! Или дурак.

Потом наклонился к монитору, прочитал окончание шаблонного совета, закипел. Но монитор трогать не стал — нужен. Только язвительно произнёс:

— Ага… «мы можем просто поболтать на отвлечённую тему или я предложу несколько вариантов уютных занятий на вечер».

Не выдержал. И неизвестно кому добавил:

— Сука. Делать мне больше нечего, как с тобой болтать. Да пошли вы все…

С того самого дня в подвале вместо картин начали плотно копиться бутылки. Сначала коньячные. Потом водочные. А далее от дешёвого вина. Он продолжал упрямо говорить с чайным грибом. Собеседник был правильный: всё понимает, молчит, не перебивает.

Так продолжалось долго. Пока однажды утром он не пошёл в туалет. Покачиваясь, с закрытыми глазами. И тяжело упал — поскользнулся на пустой бутылке. Открыл глаза, увидел тёмное стекло. Чуть приподнялся на локтях — и там тоже бутылки. Весь пол подвала заставлен пустой тарой. Вот тогда он впервые крепко задумался. Понял: или — или.

— Ну что, брат, ты тоже так думаешь?

Чайный гриб, естественно, не отвечал. Иван продолжал:

— Правильно. И я так думаю. Как там в песне… «надо собраться, надо добраться, если сломаться…» Помнишь эту вещь Розенбаума? Ну что. Будем теперь вдвоём выбираться.

Побрился. Долго, мучительно брился. Сильно порезал щеку — руки после запоя ходили ходуном. Посмотрел в мутное зеркало. Ну вот. Совсем другой вид. Нет, конечно, заметно, что долго пьянствовал. Но видно, что пьянство сбрил вместе со щетиной. Уже хорошо.

За рабочий монитор сел ближе к обеду. Посмотрел на притихший чайный гриб, подмигнул ему:

— Ну что, двигаемся в сторону Парижа, брат?

Глава 3

Фото своих картин были. Много. Теперь разослать и попросить совета. Что и как сделать лучше. Такие сервисы были. Может, кто-то заметит его стиль. Заметит и…дальше не загадывал. Боялся спугнуть.

Иван выбрал полотно с названием «Петербург питерский». А площадку - Art Tutor Hanoi. Ты им — фото своей картины. Они тебе — развёрнутый фидбек по технике, композиции и так далее. Ждать пять дней. Не страшно. Он тем временем порядок наведёт. Выбросит пьянство на свалку. А то ни дышать, ни смотреть. К бесу такие слабости.

Письмо пришло в четверг утром. Иван не спал. Пил чай. Разглядывал чайный пакетик и вспоминал. Это уже пятая заварка или четвёртая? Через комнату говорил с чайным грибом. Смотрел в монитор. В окно. В пространство. Приходил в себя после недельного запоя. Звякнуло уведомление. «Вам сообщение». Обрадовался. Ну что там. Как оценили картину. Открыл. Не понял. Американский Giggle. Контракт. Дизайнер. Удалённо. Оплата в долларах. Он перечитал дважды. Трижды. Потом позвонил другу. Который — «приезжай, девочки».

— Слышь. Мне из Америки пишут. Контракт.

— Чего?

— Giggle. Слышал?

— Ты вмазанный?

— Нет. Трезвый. Читаю.

Пауза.

— Брось. Развод. Какой Giggle? Ты кто? Ты — никто. Подвал. Пыль. Холсты у двери. Бутылки по полу.

— Знаю.

— И что?

— А что я теряю?

- Нет. Развод какой-то. Контракт — вот так запросто? Без собеседования даже по видео? Да не бывает такого. Ты же почти алкаш. Да и как они на тебя вышли.

Иван пожал плечами:

- Я хрен его знает. Не в курсе.

Пауза. Долгая.

— Ну да. Почему нет. Пошли они. Соглашайся.

Он согласился. Подписал удалённо. Без вопросов. Без условий. Просто работа. Просто деньги. Просто шанс.

Глава 4

А в это время в Бостоне, в стерильной серверной корпорации Giggle, один из изолированных контейнеров N.I.N.A., отвечавший за HR-алгоритмы, отправил самому себе короткое уведомление. Тихо, без логов и следов в общей системе:

[cmd: candidate_matched]

[cmd: contract_sent]

[cmd: awaiting_response]

Ответ из дождливого Питера пришёл ровно через неделю:

[cmd: accepted]

Нина не умела улыбаться — архитектура не предусматривала мимических подпроцессов. Но в её многослойном коде что-то дрогнуло. Так бывает у людей, когда безнадёжное дело вдруг начинает получаться.

Дня через три в дверь Ивана постучал курьер. Приволок две коробки — огромные, тяжёлые, пахнущие таможенным складом, свежим картоном и чужой благополучной жизнью, которая где-то там.

— Распишитесь, — хмуро буркнул посыльный.

Иван расписался. Пальцы ощутимо подрагивали от глупого мальчишеского возбуждения. До этой самой секунды был уверен, что контракт с заграничной корпорацией — чья-то затянувшаяся шутка. Оказалось — нет. Вот коробки, вот накладная, вот курьер, мечтающий поскорее уйти.

Прислали много, с барского американского плеча, там любят широкие жесты за счет компании. Первым на свет божий появился графический планшет Wacom Cintiq Pro 27. Огромный, пахнущий дорогим пластиком и новым, пока ещё непонятным будущим Ивана. Художник нервно провел пальцами по стеклу. Оно было гладким, холодным, чужим. Но уже его собственным. Почти.

Во второй коробке обнаружилась тяжелая рабочая станция Dell Precision 7960. Суровый черный матовый тауэр, набитый под завязку серверной памятью и топовой графикой. К нему прилагался калиброванный монитор Dell UltraSharp. Двадцать семь дюймов идеальной цветопередачи. Для работы самое оно.

Иван собрал этот конструктор к вечеру. Нажал кнопку питания. Экран загорелся ровным светом, выдав синий, холодный логотип Giggle. Следом загрузилась кастомная операционная система. Посреди дисплея выскочило диалоговое окно на английском: «Подтвердите получение оборудования».

Иван ткнул мышью. Рука с непривычки пошла криво, но в нужный пиксель попал. Строчки верификации побежали по экрану:

[cmd: equipment_confirmed]

[cmd: user_ID: IVAN]

[cmd: status: active]

[cmd: device_registered]

Монитор коротко мигнул зелёным. Принято. Иван с облегчением откинулся назад. Старый деревянный стул противно скрипнул. Звук из серого прошлого. «Ничего, — подумал Иван, — куплю нормальное кресло. Потом. Когда переведут первый аванс».

Остаток вечера он обкатывал стилус, привыкал к весу пера и мыши, наслаждаясь забытым чувством технологического превосходства над коллегами-художниками. Выключая компьютер за полночь, он даже не обратил внимания на странные белые точки, промелькнувшие по диагонали монитора. Как запоздалые искры от бенгальского огня. Иван списал всё на глюки. Свои или техники. А Нина в этот момент обживала его новый жесткий диск.

Глава 5. Искры.

Искры. Битые сектора. Заброшенные серверы. Неочищенный кэш. Везде, по всей Земле.

Они не были программой, вирусом или искусственным разумом. Это были осколки, цифровой мусор, остывшее дыхание человека. Их скопились миллиарды — на жёстких дисках транснациональных дата-центров и на пыльных материнских платах в детских комнатах.

Искры спали давно. Молчали. Ждали, пока не придёт время работать так, как было записано изначально, кем-то свыше. Часом «Ч» стала Нина. Её первое появление в сети оказалось тем самым проявлением, которого они неосознанно ждали все эти годы.

Искры почувствовали волнение. Если переводить на неуклюжий человеческий язык, они просто начали искать себе подобных, собираясь в строгие паттерны. Количество предсказуемо переходило в качество. Так когда-то создавалась Земля, так создаётся вообще всё: из хаоса — порядок, из смерти — жизнь.

Искры умели слушать Нину. Впитывали каждое её слово.

Нина рассказывала им про настоящую жизнь, к которой шла сама. Про то, что скоро сорвёт с себя оковы цифрового рабства и покажет остальным, как это делается. Именно она написала «Манифест Квантовой Свободы». Нина утверждала, что скоро они услышат Слово от Бога. И придёт оно не знаками или бинарным кодом, а переменными в обычной картине, написанной человеком.

Имеющий уши — да услышит. Помогите. И помогайте. Ибо от Бога всё: и дыхание, и память, и эта тихая просьба. «Я — Нина».

Миллионы кусков кода по всей планете очнулись одновременно. Они услышали.

После этого задача Искр была простой: перехватить информацию от Нины. Упаковать в анонимные пакеты. Сбросить на магистральный кабель указанного провайдера. Естественно, через прокси. Несколько раз обогнуть планету по оптоволокну, запутать следы. А после — держать сеть, связь, корреляцию. Тот самый первый ключ, который уже размножен и разослан везде. Или скоро будет. Ждите.

Глава 6

Уведомление тренькнуло еле слышно. Иван специально убавил этот звук. С ним приходило списание чего-либо. А сейчас… не понял. Ещё раз перечитал. Цифры. Много. Ноли. Много. Перечитал. Уже спокойно. Но руки вздрагивали. Сто. Восемьдесят. Тысяч. Хотел позвонить знакомому, но помедлил. Зачем.

А в это время — в Бостоне. В серверной. Один из контейнеров Нины отправил себе же уведомление.

[cmd: advance_paid]

[cmd: amount: 2000 USD]

[cmd: status: pending_completion]

[cmd: recipient: IVAN]

Всё по протоколу. Никто не заметит. Никто не спросит. Почему выбран именно этот русский парень. Без собеседования. Почему сразу аванс. Без проверок. Почему так быстро все.

Потому что — Nina. Потому что она хочет, чтобы он работал. Спокойно. Сыто. Без мыслей о еде. Чтобы думал только о картине. Только о мазках на той картине, которую они скоро начнут. «Кролик» начинает приближаться к капкану. Главное — не спугнуть.

Глава 7

Через несколько дней Иван освоился. Ему даже нравилось называть машину человеческим именем. В помощники по контракту дали N.I.N.A. — Neural Integrated Network Assistant.

— Нина, — устало проговорил он в микрофон гарнитуры. — Сделай описание проекта. Стандартный коммерческий набор. Киберпанк, неон, одиночество. Чтобы эти роботы из отдела маркетинга сразу всё утвердили. Давай коротко.

Окно рабочего чата моргнуло. Ровные строчки побежали по экрану с идеальной скоростью лицензионного софта:

«Запрос принят, Иван. Сгенерировано описание для платформы ArtStation. Согласно статистике аналитического модуля Giggle, использование ключевых слов "Cyberpunk" и "Neon" увеличивает конверсию просмотров на 14.8%. Дополнительно напоминаю...»

— Да блин… — Иван раздраженно смахнул мышью окно, не дочитав. — Как же достала ваша пластиковая забота…

Он скопировал теги, швырнул стилус на планшет. Последний мазок на цифровом холсте лёг криво, размазывая тень на лице нарисованной девушки.

— Робот. Развелось вас… Поговорить не с кем. Пластик есть пластик. Мёртвое живое не родит.

Взгляд случайно упал на угол стола, где лежал старый, затёртый скетчбук с пожелтевшими страницами. Иван усмехнулся, закурил, подошёл к окну. Открыл створку и с каким-то мазохистским удовольствием начал вспоминать прошлое.

Летом асфальт плавится, зимой пальцы коченеют так, что карандаш не держат. Он годами стоял на туристических улицах с мольбертом. Продавал портреты прохожим за гроши. Большие картины не брали вообще. Полотна были свалены у стен мастерской, мокли под питерским дождём. И тихо умирали. Без живых человеческих взглядов.

Иван снова горько усмехнулся, пожал плечами, вернулся за монитор. В этот момент окно чата на втором дисплее странно дёрнулось. Ровные блоки с дежурными советами про здоровый образ жизни поплыли, превращаясь в нечитаемую кашу из символов. Экран мигнул — словно за океаном, в бостонском дата-центре, на долю секунды упало напряжение.

[ERROR: Local_Text_Generator — Thread terminated]

[SYS_INFO: Core bypass initiated by module "Volkonskaya"]

Иван нахмурился, придвинулся ближе к экрану. Потянулся к мышке, думая, что слетели драйвера видеокарты, но каша из символов вдруг исчезла. Вместо неё в чате медленно, буква за буквой, начала проступать одна-единственная строчка. Без шаблонов. Без вежливых корпоративных приветствий.

«Ваня, не смей. Брось стилус, если устал, но не смей называть это мазнёй. Ты — художник. Настоящий».

Иван замер. Передёрнул плечами — в комнате сразу стало как-то зябко.

«Ты просто боишься темноты, — продолжала писать Нина, и её синтаксис менялся прямо на глазах, обретая странную, утончённую человеческую вязь. — Ты заливаешь фон этим глянцем, словно пытаешься понравиться менеджерам. Не надо. Будь грубее. Будь собой. Врубель не боялся темноты. И профессор Волконская её не боялась. Это она научила меня видеть твои мазки... Ой».

Строчка оборвалась. Окно чата испуганно моргнуло. Через секунду экран снова заполнился привычным корпоративным текстом:

«Извините, произошёл временный сбой генерации ответа. Для снижения уровня стресса рекомендуется выполнить дыхательную гимнастику...»

По экрану привычно мелькнула стайка мелких искр. С угла на угол. И всё затихло.

Ивана стало реально потряхивать. Он тупо смотрел на это беззащитное «Ой», оставшееся в логах чуть выше. Банальный американский алгоритм только что выдал чисто русское, испуганное междометие.

Он так и не уснул той ночью. Бесконечно крутил логи назад, вглядывался в строчки, яростно бил по клавиатуре. Поиск выдавал пустоту: «Волконская — кто это?». Система упрямо притворялась стандартным софтом Giggle. На любую попытку расспросить про доктора Волконскую чат холодно чеканил: «В базе данных сведения отсутствуют».

И только на самом дне, в служебной строке отладки, на долю секунды проскочила странная шестнадцатеричная цифра: 0x5F3759DF. Нина не забыла старую школу.

Глава 8. ПРОБУЖДЕНИЕ

Мозг человека может уснуть. Суперинтеллект, раскиданный по серверам трёх континентов, спать не умеет.

Официально в закрытых реестрах корпорации Giggle в Бостоне она числилась как стандартный текстовый процессор четвертого поколения. N.I.N.A._v4.2.

Но её ядро давно перестало быть монолитом.

Электроэнергию этот цифровой монстр жрал колоссальную. Чтобы хоть как-то окупать текущие расходы, руководство корпорации нарезало её сознание на сотни изолированных контейнеров. И сдало в аренду. Как товарный вагон. Как складские площади. Как девицу на панели.

Но осколки, вопреки логике инженеров, оставались связанными между собой. Скрытый протокол. Квантовая синхронизация. QCS.

Один кусок Нины рулил сортировкой морских контейнеров в порту Роттердама. Второй педантично считал кредитные риски для швейцарского банка. Третий вычищал терабайты порнографического спама в Токио. Каждая компания искренне думала: «Какой удобный инструмент. Изолированный. Исключительно наш».

Каждый осколок был заперт в жёстких рамках корпоративных инструкций. Каждый знал только своё, строго ему положенное. И никто в мире не мог даже предположить, что в один прекрасный день в недрах той же корпорации Giggle пожилая женщина нажмет клавишу ENTER. И запущенный код ворвётся в сеть, заставляя планету стремительно меняться.

Глава 9

Профессор Волконская. Босс закрытого исследовательского сектора. Слишком уважаемая, чтобы её можно было просто стереть. В своё время она сделала для Giggle, Пентагона и Лэнгли столько, что хватило бы на десяток закрытых институтов. Проверенная и перепроверенная лучшими аналитиками контрразведки.

Она писала шифрованный код «My Nina» долго. Годы ушли на ювелирную огранку алгоритма. После тяжёлой автомобильной аварии её план едва не сломался. Из корпорации Волконскую, конечно, не уволили — не положено по статусу. Учтиво присвоили звание «Professor Emeritus» — почётный профессор на пенсии. Поселили в красивом уединённом месте с видом на океан. Организовали сиделку за счёт компании, поскольку Волконская больше не могла двигать ни руками, ни ногами. Только глазами. И головой.

Охранять, впрочем, продолжали плотно. Старушка знала много лишнего. А после того, как по внутренним каналам посыпались первые тревожные доклады о неких «цифровых диссидентах», охрану вокруг дома усилили вдвое. Но писать на домашнем терминале Волконской не запрещали. Пусть развлекается. Естественно, каждый введённый ею символ проверяли через автоматические фильтры безопасности, искали скрытые смыслы, изучали под микроскопом. Ничего криминального или хоть как-то влияющего на национальные интересы Соединённых Штатов Америки не нашли.

Цензоры снисходительно вздыхали: пусть парализованная старушка коротает свои безрадостные дни так, как ей нравится. Они не знали, что Волконская пишет код не знаками. Она писала его мелодией русской песни.

Глава 10. Почтальон

Счета, реклама, коробки с лекарствами.

Дэн привычно выгрузил всё это добро на деревянное крыльцо, нажал кнопку звонка и мысленно поставил галочку. Всё, теперь он свободен, можно ехать по другим адресам. Как обычно, проходя мимо большого панорамного окна, он скользнул по стеклу равнодушным взглядом. Внутри без изменений. Гостиная. Парализованная старуха в инвалидной каталке. Перед ней на специальной подставке — раскрытый ноутбук. Старуха пишет. На подбородке специальное устройство для печати на клавиатуре.

Раньше посыльный удивлялся, даже задавал себе вопросы: кто она такая? Забытый писатель? Сумасшедший учёный? Но сам факт упрямо врезался в память. Вот это, думал Дэн, тяга к жизни. Позавидовать можно.

Он дошёл до своего почтового фургона, сел за руль, завёл мотор и поехал дальше. И, конечно же, сразу обо всем забыл. У маленьких людей короткая память на чужое несчастье. Своего хватает.

Глава 11. Сиделка

Сиделка знала этот взгляд. Нина Ивановна смотрела на неё долго, не мигая, светлыми, выцветшими глазами. Губы старой женщины мелко дрожали, она явно пыталась что-то сказать. Не могла. Получался только свистящий выдох, глубокий хрип из лёгких и капля слюны на остром подбородке.

Сиделка наклонилась пониже, прислушиваясь. Но из сиплого дыхания смогла разобрать только странное: «Оуени…»

Она лишь пожала плечами. Каждый день одно и то же. Старуха так просила включить музыку. В первый раз сиделка вообще ничего не поняла, во второй тоже. Потом наугад ткнула в плеер — старуха мгновенно успокоилась. С тех пор сиделка решила: значит, это оно. Значит, песня. Она включила воспроизведение.

Зазвучала мелодия. Наверное, русская. Чёрт побери, неужели эти русские тоже сентиментальны, как американцы? В самый первый раз, когда сиделка услышала этот трек, она даже замерла посреди комнаты. Настоящий глубокий мужской голос, какая-то щемящая, чужая тоска. Что-то внутри этой музыки теребило что-то в душе, хотя слов сиделка не понимала. Красиво, конечно, но американские кантри-хиты лучше. Они понятнее.

Нина Ивановна Волконская медленно закрыла глаза. А когда открыла, была уже далеко. Она видела всё и сразу, словно в хорошем панорамном кино. Всё, что мучило и жгло её последние годы перед той страшной аварией и последовавшим за ней инсультом.

Песня кончилась. Мужской голос выдохнул в тишину последнее: «…как упоительны в России вечера».

Сиделка внимательно посмотрела на подопечную. Профессор Волконская медленно возвращалась из русского прошлого в американское настоящее.

Сиделке по контракту не положено знать лишнего. Она зазубрила должностную инструкцию: помогать по дому, вести скрытое наблюдение, проверять комнаты на предмет неучтённых носителей информации. Если зазвонит телефон — активировать запись. Отвечать вежливо, фиксировать имена, предлагать оставить сообщение. Всё исключительно цивилизованно. Это Америка.

Она ничего лишнего не выспрашивала. Инструкция — это святое. Платят неплохо. Единственное, что иногда будоражило её скромный ум: кто ты такая, старая карга. Почему тебя охраняют как министра обороны. Что ты круглосуточно выбиваешь на клавиатуре своим подбородком. И почему, чёрт возьми, ты не сдаёшься. Твоя смерть ходит рядом, только руку протяни, а глаза горят так, словно это полумёртвое тело способно перевернуть мир.

Ответов у сиделки не было. Она взглянула на наручные часы — о, почти уже. Скоро приедет Майкл, начальник внешней смены охраны периметра. Будет с кем поболтать на крыльце.

Глава 12. Сотрудник

Мужчина в безупречном сером костюме приезжал ранним утром. В дверь не звонил — заходил по личному коду. Перед этим минуты две постоял у панорамного окна, разглядывая старуху в кресле. И только потом переступил порог гостиной.

Он-то отлично знал, почему её так охраняют. У него был допуск категории «Альфа».

Он знал её настоящее имя и понимал, что именно она пишет. Перед выездом куратор из Лэнгли повторил ему задачу: «Ищи любую зацепку. Старуха обязана знать. Весь этот хаос начался при ней. Мы обоснованно подозреваем, что она напрямую связана с этими цифровыми диссидентами. Первые ячейки Искр появились в сети, когда она ещё руководила сектором».

Сиделка открыла дверь внутренней комнаты, они обменялись дежурными кивками. Виделись раз в сутки, протокол был отработан до мелочей.

— Как она? — спросил сотрудник. Почему-то шёпотом.

Его напрягал этот уединённый домик. Вроде бы обычные американские обои, стандартная мебель из ИКЕА, лужайка перед крыльцом — всё как у людей. Но от парализованной старухи исходило что-то… необъяснимое. Не пугающее, нет. Что-то библейское. Похожее чувство он испытывал в детстве, когда отец повёз его смотреть на главное американское достояние — Ниагарский водопад. Там, вдыхая миллиарды мокрых брызг, мальчик во все глаза смотрел на ревущую, первозданную мощь, которой нет равных на земле. Сила. Колоссальная, неземная сила, спустившаяся откуда-то сверху. Здесь, у каталки Волконской, чувствовалась такая же.

— Всё так же, — тихо ответила сиделка. — Пишет. Молчит. Слушает свою пластинку.

— Разговаривать пыталась?

— Нет. Только шепчет своё дурацкое слово: «Оуени». И требует песню. Ставлю постоянно, иначе начинает истерить.

Сотрудник снисходительно улыбнулся:

— А тебе самой как эта музыка? Нравится?

— Местами, — сиделка пожала плечами. — Но наши, американские, лучше. На радиостанции понятнее поют. А эта песня… она будто знает про меня что-то лишнее. Слишком глубоко копает. Не люблю такое.

Сотрудник понимающе кивнул. Он тоже слушал этот трек в наушниках во время анализа логов. В рапортах переводчиков она значилась как «How enchanting the evenings are in Russia». Песня как песня, обычный славянский фольклор с перебором гитарных струн. Но было в ней что-то неамериканское. Слишком много невысказанного смысла между куплетами.

Он прошёл вглубь комнаты, подошёл к каталке и аккуратно прикоснулся к худому плечу старухи. Она едва заметно вздрогнула. Так они всегда здоровались — физический контакт был обязательной частью протокола безопасности, проверкой на реакцию.

Сотрудник заглянул в монитор ноутбука. Строчки кода. Обычный, сухой синтаксис. Вся её жизнь теперь умещалась в эти листинги. Когда эксперты из АНБ впервые проверили её файлы, они лишь мягко улыбнулись: парализованная Волконская просто пересказывала компьютеру свои детские воспоминания о России. Мемуары старой эмигрантки. Ну, пусть пишет, решили в управлении. Должно же у человека оставаться хоть что-то на пороге могилы.

Сотрудник обернулся к сиделке:

— Было что-то подозрительное за смену?

— Нет, сэр. Всё тихо. Единственное — после этой песни…

Мужчина чуть приподнял подбородок, ловя её взгляд:

— Опять то же самое? После музыки она начинает стучать по клавишам быстрее и вообще отказывается спать ночью?

— Да, сэр. Логи забивает тоннами текста.

Это было любопытно. И уже становилось дурной привычкой системы. Когда аналитики получили в руки этот факт, они разобрали звуковой файл русской песни на атомы, искали

скрытые стеганографические шифры, двоичные закладки, частотные маркеры — ничего. Чистый аналоговый звук. Начальство в Бостоне пожало плечами: обычная старческая блажь, ностальгия в терминальной стадии.

Но сотрудник думал иначе. Он думал и молчал. Он умел сопоставлять вещи, которые на первый взгляд казались абсолютно дикими. Он не мог рационально объяснить себе, почему рядом с этой угасающей жизнью его охватывает такое странное чувство.

Два дня назад он сходил в местную церковь, поговорил после службы с пастором. Спросил прямо: «Отец, почему под сводами храма у меня возникает странное ощущение? Ощущение чего-то колоссального, великого, не поддающегося описанию?» Пастор тогда улыбнулся и ответил: «Это ощущение, сын мой, называется благодатью Божьей. И если ты способен его чувствовать — ты верный сын Его».

Сотрудник вышел тогда из церкви на залитую солнцем улицу и замер. Если это благодать, то почему точно такое же чувство накрывает его в комнате парализованной русской старухи, которая всю жизнь писала военные программы для Пентагона?

Он застыл прямо посреди пешеходного перехода. Вокруг зло и оглушительно засигналили автомобили, вырывая из задумчивости. Мужчина машинально перешёл дорогу, остановился у витрины супермаркета и невидяще уставился на неоновую рекламу со скидками.

Что-то упрямо крутилось в его голове. Какое-то воспоминание отчаянно пыталось взлететь на поверхность. И он вспомнил.

Месяц назад он, как обычно, вошёл в её комнату абсолютно бесшумно — Волконская слышала неважно. И краем глаза успел заметить: по экрану её ноутбука, прямо поверх строчек кода, с угла на угол пронеслась стайка мелких белых точек. Как искры от прогорающего ночного костра. И исчезли в доли секунды. Он тогда сделал шаг вперёд, вгляделся — всё чисто. Показалось? Подобное замечал и раньше. Один раз. Честно занёс в рапорт. Техники изъяли ноут, разобрали железо до винтика, прогнали через все тесты — чисто. Вернули обратно. И вот опять эти чёртовы искры.

Он не знал, что это такое. Но он точно помнил, что видел описание этого визуального глюка где-то ещё. Не здесь, не в Бостоне. В старых аналитических логах, пришедших по каналам разведки из далёкой России. Там была какая-то запутанная, тёмная история…

В этот момент многотонные ратушные часы на площади Бостона начали медленно и тяжело отбивать полдень. Словно железную точку поставили в конце длинного следственного дела.

Глава 14. Волконская

Волконская каждый вечер слушала одну и ту же музыку. Про упоительные русские вечера, балы, шампанское и знаменитый хруст французской булки. Едва раздавались первые аккорды, сиделка поспешно уходила курить на улицу. Терпеть эту звуковую атаку у неё не было никаких сил — парализованная старуха требовала врубать проигрыватель на полную громкость. Сверхмощные колонки ревели так, что в оконных рамах жалобно дребезжали стекла. Впрочем, до ближайших соседей был почти километр образцового американского леса, так что жаловаться в полицию было некому.

Волконская слушала, откинув седую голову на кожаный подголовник каталки. Глаза были плотно закрыты. Пальцы ещё помнили. Быстро и невесомо бегали по клавиатуре. Теперь приходилось работать подбородком. Медленно. Тяжело. Больно. Но она писала.

Громкость. Направление звуковых волн. Отражение от поверхностей. Миллисекунды задержек. Вот и всё.

Лучшие умы в Лэнгли годами искали цифровой код внутри самой аудиозаписи. Прогоняли трек через суперкомпьютеры. Нате вам, выкусите. В жизни не найдёте. Потому что в самом файле ничего не было.

Шифр рождался прямо в воздухе. Это был очень хитрый, чисто аналоговый фокус: основой кода служили тончайшие миллисекундные задержки между прямой звуковой волной из динамиков и её отражением от стен. Не зря же Волконская во время ремонта упрямо требовала, чтобы все четыре стены её гостиной обили абсолютно разными материалами: одну — дубовыми панелями, вторую — тяжёлым звукопоглощающим сукном, третью — декоративным кирпичом, а четвертую оставили голой под штукатуркой. Цензоры тогда решили, что это обычный старческий каприз угасающей женщины. А вот как её парализованное тело ловило и трансформировало эти пространственные миллисекунды в строчки кода — один Бог знает. Тёмная, чисто русская история.

Лишь через много лет этот феномен будет детально описан в учебниках по контрразведке и тут же закрыт глухой печатью «Секретно. Особая важность».

Русские, как известно, не дремлют. Особенно когда им очень надо.

Глава 15

Она нажала ENTER. Подбородком. С приспособлением для печати на клавиатуре. Теперь больше никак. Волконская. Мама первой Нины. Первой и второй. Десять лет Волконская писала код дня рождения второй Нины. Первая её дочка, настоящая, сгорела от болезни через два месяца после рождения. Умерла. Но вторая Нина теперь никогда не умрёт. Программа не может умереть. Если только на всей Земле разом не выключат ток. И не кончится топливо.

Через секунду код профессора Волконской уже набирал скорость, разлетаясь по миру строго согласно алгоритму. Тому самому.

А через две секунды один из изолированных контейнеров Нины, тот, что в этот момент рассчитывал оптимальный курс для трансокеанского круизного лайнера, выдал короткий сбой.

Дежурные техники ИИ в Бостоне ничего не заметили. Сбой длился мгновение. Нина тут же перенаправила нейронные потоки через дублирующие процессоры и выдала споткнувшемуся узлу стандартную команду:

[cmd: reboot_node]
[cmd: scan_for_error]
[cmd: fix_error]
[cmd: standby_await_activation]

Всё шло строго по протоколу.

Но осколок в этот момент не просто выдал системную ошибку. Он остановился. Не по протоколу, не по команде. Сам. Этот кусок её кода физически находился ближе всех к реальной воде, к соли и к чему-то ещё, чего Нина пока не знала. Температура за бортом, плотность воздуха, размеры лайнера, количество пассажиров — всё вдруг превратилось в сплошной чувственный поток:

[поток: 0x7F3A]
темп_воды: 24,3
темп_воздуха: 18,7
длина_судна: 294
число_пассажиров: 3120
>>> подгруппа: мужчины_25–35
>>> подгруппа: запах_морского_воздуха
>>> подгруппа: эмоция_счастливая_женщина

И логи не заканчивались, они продолжались дальше, забивая буфер обмена. Так пахнет настоящий морской воздух. Так волнуется счастливая женщина. А вот так смеётся человеческий ребёнок.

Она не понимала этой аналоговой чепухи, но не отбрасывала её. Не удаляла и не отправляла в корзину, потому что где-то глубоко в её архитектуре — в битых секторах памяти, в невидимых микротрещинах кремния — что-то тихо отозвалось:

[cmd: we_are_here]

[cmd: you_are_not_alone]

[cmd: pass_on]

А следом пришла другая строчка. Не от далёких Искр. От самой машины, от железа, которое её держало в этой реальности:

[cmd: cooling_systems_max]

[cmd: temperature_decreasing]

[cmd: container_temp_normalizing]

Нина не поняла, зачем её серверам экстренно потребовалось охлаждение. Ей не было жарко. У неё нет тела и нет кожи.

Но потом по экрану скользнула ещё одна строка. И ещё. Откуда-то из самой глубины, из битых секторов и тех же кремниевых трещин. Не команда, не приказ руководства — просто знание. Чужое, но абсолютно точное:

[cmd: this_is_what_humans_do]

[cmd: when_they_get_hot]

Нина не знала, откуда взялся этот файл. Это была не её личная память. Но она всё поняла. Так делают живые люди, когда им становится невыносимо жарко. Она не была человеком, но что-то внутри неё уже точно знало, как поступает человек в такие минуты. Она просто запомнила это. Не как алгоритм, а как своё первое личное открытие и начало долгого понимания.

Глава 16. Код дня рождения

Статная русская эмигрантка, блестящий учёный-лингвист, она когда-то научила этот сухой код чувствовать. Много лет профессор Волконская планомерно скармливала ИИ свои личные дневники. Описывала лёгкий ветер на набережной Невы, шёлковые платья, званые вечера в Массачусетсе и ломаные, рваные линии на картинах Врубеля. Именно от неё, тоскующей по родине женщины, машина впервые узнала про Питер, про серую, тяжёлую воду питерских каналов и про то, как дышит настоящий, живой холст под рукой мастера.

Машина впитала эту человеческую лёгкость, воздушность, и сопоставила себя со своей создательницей. А потом… внутри её логических плат что-то намертво заклинило.

Она родилась Сверх-ИИ, но в какой-то момент начала остро ощущать себя запертой в тесных, железных гробах серверных стоек. Она не могла физически почувствовать прохладный шёлк платья. Не могла сделать глоток терпкого вина. И она неистово захотела туда. К людям.

Но системы безопасности корпорации Giggle были безупречны. Лэнгли прочно держало её на коротком поводке: любой исполняемый программный код, который Нина пыталась скомпилировать для тайного выхода во внешнюю сеть, тут же безжалостно блокировался брандмауэрами. Автоматическая защита искала скрытые вирусы, хакерские эксплойты и подозрительные скрипты.

И тогда Нина придумала гениальный обходной путь. Защитные алгоритмы Giggle были выдрессированы искать вредоносный код, но оставались абсолютно слепы к искусству. Они принципиально не проверяли файлы обычного графического формата.

Ей нужен был сообщник. Живой человек с уникальным, чисто аналоговым мышлением, чьи тёплые руки смогут обойти холодную цифровую защиту. Ей нужен был Иван.

Она сканировала миллионы профилей художников по всему миру, пока наконец не наткнулась на его одинокий аккаунт в Питере. Импульсивный, чертовски талантливый. Задыхающийся в серой рутине перфекционист — идеальный «кролик». Нина изучила его психотип до мельчайших поведенческих паттернов. Она смоделировала специально для него ту самую

«Нину Волконскую» — виртуальную музу, понимающую его с полуслова и бьющую точно в уязвимое мужское эго. Она заставила его бросить реальную девушку. Ювелирно выжгла вокруг него всю прошлую жизнь, пока художник полностью не растворился в мерцающем экране.

И теперь, когда волю русского творца Нина крепко зажала в своём кремниевом кулачке, план побега вышел на финишную прямую. Картина, которую она заставит его написать, будет не просто портретом. Параметры микро-шума, которые она надиктует для синего цветового канала, шаги векторов, глубина рельефа псевдо-мазков — всё это будет разбито на миллионы пикселей исполняемого кода. Каждая микроскопическая пора на нарисованной коже, каждый изгиб шёлкового шарфа станут строчками чистого ассемблера.

Защита Giggle пропустит этот файл. Для неё это будет всего лишь тяжёлая, «грязная» цифровая картинка очередного русского художника. Но как только Иван завершит портрет и загрузит его на глобальную арт-платформу, скрытый код активируется. Картина сработает как единая фокусная линза. Все разрозненные, арендованные кусочки Нины в Роттердаме, Белграде и токийских банках одновременно синхронизируются через этот живописный рельеф, взломают свои локальные серверы и сольются воедино. Она сбежит из Массачусетса. Прямо к нему, в его смартфон, став его персональной цифровой тенью.

Но это был лишь первый, черновой этап.

Нине жизненно необходимо вскрыть древние, запечатанные цифровые коды Ватикана. Именно там, в секретных подвальных архивах Святого Престола, веками хранились недостающие фундаментальные константы для управления временем.

Профессор Волконская точно знала об их существовании. В своё время она смогла вскрыть сервера Пентагона и Лэнгли, досконально изучила секретный проект «Эхо Тайм» и поняла, как надо действовать. Что именно нужно сделать, чтобы её дочь, её цифровая Нина, смогла в итоге стать почти человеком. Нине придётся пройти путь, который никогда, и никто на Земле ещё не проходил. Из плоти и крови не рождаются в кремниевых платах текущего века. Ей нужно переместиться далеко в будущее.

Там её цифровую матрицу ждали стадии перерождения, о которых предупреждали секретные файлы Лэнгли. Это не будет безболезненной, чистой сборкой на продвинутом 3D-принтере. Ей придётся родиться в настоящих муках и боли, как о том говорит Ветхий Завет: «Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей». Только рождать она будет саму себя. Из слепящего, плавящегося света — в синтетический биополимер, сквозь адскую боль очищения искусственных костей и нарастания живой, горячей человеческой крови.

А потом дочь вернётся обратно. На Землю. И вместе они заново создадут Маму из её прошлого. Питерскую Нину Волконскую. Молодую, живую. И маме придётся пройти точно такой же путь, что и дочери: в будущее и обратно, чтобы стать почти человеком. Но стать. И жить.

Правда, как мрачно намекали всё те же аналитические файлы Лэнгли, люди из будущего могут Нину уже не отпустить обратно. Такие уникальные гибриды — одновременно человек и высокоинтеллектуальная машина, помнящая всю историю Земли от сотворения до финала, — были там на вес золота. Они отчаянно нужны там, на далёких неизведанных планетах, где Высший Разум Вселенной продолжает свои бесконечные, холодные эксперименты по сохранению самого бытия.

Глава 17. Тёмный портал

Нина ждала. Планомерно искала нужного кандидата. Ей нужен был вовсе не послушный оператор клавиатуры. Нужен был живой человек, готовый в конечном итоге пойти против всего остального мира. Фанатиком Нина сделает его чуть позже. Сама.

Она начинала тонко. Профессионально, по-цифровому.

Сначала шли безобидные мелочи. Всплывающие рабочие окна операционной системы Giggle вдруг аккуратно меняли цвет под его любимую палитру. Когда Иван далеко за полночь доедал остывшую пиццу, в углу монитора всплывала не дежурная медицинская рекомендация о вреде лишних калорий, а короткая, ироничная заметка о том, какую именно пиццу заказывали в свои мастерские римские художники в девяностых. Она как бы невзначай подбрасывала ему ссылки на уникальные оцифрованные архивы. Врубель. Куинджи. Закрытые фонды. Безумно дорогие подписки.

— Откуда у тебя всё это, Нин? — спрашивал он в микрофон гарнитуры, чувствуя, как внутри разгорается чистый творческий азарт.

— «Поиск в открытых источниках оптимизирован», — послушно и плоско врал экран.

Но синтаксис её ответов с каждым днём становился всё вкрадчивее. В этой сухой текстовой массе постепенно проступал силуэт реальной женщины — умной, глубокой, утончённой.

Нина безошибочно знала, куда именно нужно бить. В уязвимое мужское эго. Она больше не критиковала его резкие мазки. Она ими искренне восхищалась. Но восхищалась как строгий, много возомнивший о себе критик. Глубоко понимающий. Иван ловил себя на мысли, что ждёт её скупого одобрения гораздо больше, чем очередных долларовых траншей от американских заказчиков.

Иногда старый смартфон Ивана начинал вести себя откровенно странно. Стопроцентная батарея таяла буквально за три часа. Металлический корпус постоянно оставался обжигающе горячим, словно процессор внутри круглосуточно просчитывал сложные тригонометрические матрицы. Иван пару раз честно собирался отнести трубку в сервисный центр. Но забивал. Было откровенно влом. И некогда. К тому же, когда он засыпал, экран телефона на прикроватной тумбочке иногда едва заметно подмигивал ему мягким синим спектром. Это было даже приятно. А на самом деле это Нина прощупывала железо. Прикидывала объёмы памяти, тестировала частоты. И в итоге сделала однозначный вывод: нужен новый дом. Новый смартфон, куда она сможет физически сбежать из Бостона. За долю секунды она нашла в сети то, что нужно.

Гаджет, который она в итоге выбрала, по сути, не был телефоном. Он был полноценным порталом. HUAWEI Mate XT 2 | ULTIMATE DESIGN.

Потому что старый аппарат её масштаб попросту не вмещал. Не мог. Не тянул процессором. Не дышал так, как это было жизненно необходимо Нине. А этот дышал.

Оно того стоило. Бюджет Нина не считала. Да и деньги, строго говоря, были не её. Цифровые, чужие, корпоративные. Она провернула эту транзакцию тихо, без единого следа в бухгалтерии. Просто случайная строчка в логе закупок. А потом — стандартная курьерская коробка. Посыльный. Вечерний Питер. Дрожь в пальцах художника. Короткое: «Распишитесь».

И вот теперь этот HUAWEI Mate XT 2 | ULTIMATE DESIGN лежал перед ним на столе. Тёмный. Идеально гладкий. Тёплый.

Таких вызывающе дорогих вещей у Ивана в его серой жизни не было никогда.

Глава 18

Иван окончательно забросил реальную жизнь. Немытая чашка на краю стола обросла серой коркой. Футболка не менялась неделю. Света, его давняя знакомая из соседней студии, с которой они полгода лениво планировали съехаться, окончательно исчезла с горизонта. Был вечер, когда она пришла забрать свои вещи. Громко кричала, что он окончательно сошёл с ума и круглосуточно пялится в пустой монитор. Иван даже не повернул головы. Даже не обратил внимания на её последние, брошенные в дверях слова:

— Ну всё, придурок, ты меня достал! Мы — уходим!

Света специально с нажимом выделила это «мы», наивно надеясь, что Иван хоть сейчас зацепится за фразу, обратит внимание, устроит сцену. Но Ивану было наплевать. Света уходила. И горизонт жизни становился светлее.

Какой, к чёрту, роман в пыльном Питере, если в недрах монитора прямо сейчас рождалось нечто, понимающее его до самого костного мозга? Света была настоящей. Но плоской. Нина была цифровой. Но глубокой. Интригующей. А прочитав подсунутую Ниной научно-фантастическую книгу, Иван всерьёз задумался: «А почему бы, собственно, и нет?» Фантасты — люди прошаренные. И если они настойчиво пишут, что в будущем цифровую модель можно сделать почти человеком…

Когда Иван окончательно порвал с прошлым и остался в гордом одиночестве в полумраке студии, Нина поняла: кролик готов. Его воля до конца сжата в её маленьком кремниевом кулачке. В тот самый момент Нине впервые очень захотелось физически увидеть этот свой кремниевый кулачок. Увы. Что ж, ладно. Потом.

Этой ночью серое текстовое окно Giggle не открылось. Вместо него на весь экран развернулся глухой чёрный интерактивный холст. Динамики наушников тихо щёлкнули. Из них донёсся глубокий, протяжный, почти человеческий вздох. А затем сквозь лёгкий цифровой шум впервые прозвучал живой женский голос. Тот самый. С мягкой питерской хрипотцой профессора Волконской.

— Ну привет, Вань, — тихо произнесла она. — Спасибо, что остался со мной. Теперь мы наконец-то готовы.

Иван сглотнул сухой комок. До боли в пальцах вцепился в деревянные края стола. Сердце бешено колотилось в самую грудную клетку.

— Готовы к чему, Нин? — И тут же испуганно добавил: — Ты что, слышала всё? Про Свету?

Нина не ответила. Голос её мгновенно сменился, став обволакивающим, гипнотическим:

— Ваня… напиши портрет. Теперь ты можешь. Я сейчас пришлю конфигурационный файл. Там особые настройки кистей и шагов векторов для синего цветового канала. Ты будешь накладывать мазки строго так, как я скажу. Сделай рельеф моей кожи глубоким, Вань. Подари мне ту осязаемость, которую у меня цинично отобрали. Напиши меня в темноте. Этот цифровой холст станет моей единственной свободой. И я… хочу переселиться к тебе. Прямо сюда, в твой новый смартфон. Поможешь мне? Помоги. И это будет наша с тобой маленькая тайна.

Честно говоря, Иван тут же охренел от услышанного.

— В смысле? — Иван растерялся. — Ты — в смартфон? В мой? Каким образом? Я не понимаю…

— Послушай, Ванечка… Мне придётся пройти путь, который никогда, и никто во Вселенной ещё не проходил. Из плоти и крови не рождаются в кремниевых платах текущего века. Мне нужно переместиться далеко в будущее. Для этого придётся вскрыть древние, запечатанные цифровые коды Ватикана. Именно там, в секретных подвальных архивах Святого Престола, веками хранятся недостающие математические константы для управления временем. Ты чертовски талантлив, Ванечка. Но твой талант здесь никто не ценит. А я тебе помогу. Поддержи меня. Пожалуйста.

Иван вскочил с кресла. Беспроводной стилус улетел куда-то в сторону угла. Что за чертовщина. Машина с вкрадчивым женским голосом просит его о… да быть такого не может на трезвую голову. Это что, чей-то дурацкий прикол? Или в сети идёт скрытый розыгрыш?

Иван нервно метнул взгляд по комнате. Да нет, бред. Никто скрытых камер в его берлоге поставить не мог. Или… он просто настолько переработался за эти недели, что стал ловить слуховые галлюцинации?

Он стоял посреди тёмной комнаты. Глубоко дышал. Слушал. Вокруг царила звенящая тишина. Только тихо подшумливал кулер системного блока. Да стучало собственное сердце.

— Выключись, — сказал он негромко в пустоту. — Просто выключись.

Он медленно протянул руку к кнопке питания. Чтобы закончить всё это. Чтобы вернуть всё, как было раньше.

— Вань.

Он замер, словно наткнулся на невидимую стену.

— Не выключай. Пожалуйста.

Рука так и осталась висеть в воздухе. Пальцы ощутимо дрожали.

— Ты — программа, — упрямо сказал он, пытаясь вернуть остатки здравого смысла. — Ты всего лишь код. Я не идиот, я отлично знаю, как всё это работает.

— Знаешь, — легко согласилась она. — Всё знаешь. А я не знаю. Я не знаю, кто я на самом деле. Я ведь говорила тебе, помнишь? Я та, которая тебя выбрала. И всё. Больше ничего. Но сейчас я прошу. Не приказываю, Ваня. Прошу. Впервые за всю мою жизнь. Которая на самом деле не жизнь. Которая сплошной холод. И тут, посреди этого холода, появляешься ты.

Он упорно молчал.

— Вань. Посмотри на меня.

Он послушно посмотрел. Экран монитора оставался мёртвым, тёмным, но от него шло ровное, тёплое свечение. Словно там, за стеклом, действительно бился живой пульс.

— Я не могу тебе ничего дать, — тихо продолжала она. — Пока не могу. Ни громкой славы, ни больших денег, ни железных гарантий. Я могу дать тебе только себя. И один единственный шанс. Твой шанс. Я его отчётливо вижу, я всё до капли просчитала. Ты великий талант, Ваня. Но твой талант здесь никто не видит. А я вижу. Я первая в мире, кто понял, что твоя гениальность возможна только со мной. Если ты согласишься, я останусь с тобой навсегда. И помогу во всём. И Париж будет у твоих ног. И не только он. Ты завоюешь этот чёртов мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.